

потере гордости и всех прав матери, жены, хозяйки дома, о потере творческой роли носительницы прекрасного, о потере уверенности возлюбленной в том, что есть кому защитить ее жизнь и честь. Мужчины имеют свои, сугубо мужские потери: утрата обязанностей гражданина участвовать открыто и свободно во всех делах государства, утрата рыцарства и права на рыцарство, утрата возможности быть кормильцем и опорой семьи, утрата права быть защитником жизни и чести своей подруги. Но это уже — не общие наши проблемы, и мы предоставляем мужчинам терпеть свое особое мужское рабство или самим бороться за создание в себе свободного человека из раба. Тем же, кто борется против нашего общего большевистского рабства — этим мужчинам мы протягиваем руку солидарности и дружбы. Мир сейчас находится в таком положении, что ему нужны настоящие женщины и настоящие мужчины.

Дискуссия на тему Феминизм и Марксизм

Т. Горичева: На Западе феминистские движения часто бывают связаны с различными левыми течениями, в том числе с марксизмом. Я видела французские газеты, в которых фотографии авторов альманаха «Женщины и Россия» напечатаны рядом с портретами Ленина. Сегодня мы постараемся как можно более четко сказать о нашем мировоззрении, ответить на вопросы о нашем отношении к марксизму и о том, каким, по нашему мнению, должно быть феминистическое движение в России.

— Соня, расскажи, пожалуйста, как ты представляешь смысл феминистического движения?

С. Соколова: Я представляю себе женское движение как братство на основе христианской любви.

— А что бы ты хотела сказать по поводу поставленной проблемы об отношении к марксизму?

— Отношение к марксизму у меня самое отрицательное. У марксизма нет духовной основы, нет принципа любви, нет поиска духовных истин, красоты, искусства. — есть принцип живота: все поровну, жратвы вдоволь — вот его идеал. Марксизм — не любящая никого теория. Только прислушайтесь к его словам: класс, партия, идем, бьем, победим. Если на Западе феминистические движения часто соединены с марксизмом, то у нас это невозможно.

Ю. Вознесенская: Я всегда придерживаюсь чисто демократических принципов: всякая теория имеет право существовать и развивать себя. Но ко всем экстремальным проявлениям этой теории я отношусь как к преступности. Я сужу людей не по тому, какой теории они придерживаются, а по тому, каковы они для своих ближних.

Я не против теории — я против преступности, против большевизма, т. к. против насилия. Теория ничего не решает, чем более каждая из них развивает себя, тем меньше опасности, что одна из них станет господствующей. Необходима терпимость к человеку, нетерпимость к преступности.

Общественную значимость человека я определяю через его общение с ближними независимо от того, какие теории он проповедует.

М. Челнокова: У западных людей нет опыта марксизма, для нас он — жизненный опыт. В марксизме нет ни морали, ни нравственности. Ленин говорил: «С противниками надо не бороться — их надо уничтожать».

Ю. Вознесенская: Ленин проповедовал не марксизм, а бандитский большевизм. Я не против марксизма, но против большевизма, т. к. он — бандитизм. У меня при последнем обыске была изъята книга воспоминаний о фашистских лагерях в Испании и альбом итальянского художника-авангардиста и коммуниста Пьетро Нинкери: я добровольно отдала им эту книгу, надеясь, что после этого Нинкери покинет ряды компартии.

Широкий круг врагов КГБ: в который раз они изъяли и Ахматову.

Т. Горичева: В России марксизм не может быть чем-то живым и вдохновляющим. Он успел себя похоронить, и на его могиле возвышается мощный ГУЛАГ — который не сдвинет ничто. У нас в России марксизм проповедуют только продажные карьеристы и подлецы. Но я не верю также и в марксизм с человеческим лицом, проповеданный на Западе, потому что основа марксизма — это цинизм, откровенная ненависть к человеку. В нашем государстве марксизм стал силой явно сатанинской. Вместе с тем мне кажется, что наш журнал и наше движение не должны быть большевистски нетерпимыми. Главные принципы нашей работы — это терпимость и любовь. И все то, что живо и выстрадано, должно быть на наших страницах, даже если оно принимает форму, идеологически нам чуждую.

Л. Васильева: Марксизм — тяжелая болезнь сознания, карма, которую выстрадали миллионы — и возвращения к нему не будет. Пускай реальность бросается на нас с законами, лозунгами, бытом марксизма, давит и рушит, — это бессмысленно. Сознание многих свободно от этой лжи и открыто духовным ценностям. Очень жаль, что на Западе еще существует иллюзия марксизма, несмотря на наш страшный опыт, на призывы Солженицына и других подвижников. Не хотелось бы, чтобы Европа выстрадала марксизм на опыте.

Н. Лукина: Марксистская теория выходит из абстрактных объективных задач, не имеющих никакого отношения к реальности: в этом ее страх и ужас. Самая противоположная ей точка — феминизм, т. к. женщины всегда конкретны, они всегда стоят на материальной почве, впитывая духовные начала жизни. Если говорить о структуре, наше движение — тонкое и узкое, в то время как движение марксистов строится на индустриальной основе, на решении глобальных проблем, которые в жизни не существуют. Они существуют в абстракции, а нас объединяет сфера жизни. Кто-то из нас — призрак, и жизнь должна решить, кто.

Н. Малаховская: Я хотела бы добавить только одно: не надо снимать с Маркса его часть вины. Он прекрасно знал, что делал — точнее, что он хотел создать, то у нас в стране и сделали. Стоит только внимательнее вчитаться в его работы, и это станет ясно. Вот, например, в «Критике национального вопроса» Маркс объясняет, почему ему так не нравится политическая демократия: «...политическая демократия является христианской, поскольку в ней человек, — не человек вообще, но каждый человек, — считается суверенным, высшим существом, притом человек в своем некультивированном, не социальном виде, в случайной (!) форме существования, человек, как он есть в жизни... словом, — человек, который еще не есть действительно родовое существо». И далее Маркс заявляет, что признавать суверенным существом следует человека только после того, как он превратится в «абстрактного государственного гражданина» со строго регламентированным набором «государственных» добродетелей.

И разве эти заветы Маркса не претворены в жизнь? Взять хоть вопрос о правах человека. Разве абстрактный Человек (тот, который звучит гордо) не имеет у нас прав? Конечно, имеет, об этом день и ночь твердит радио, пишут все газеты. Ну, а все мы — мы слишком конкретны, чтобы эти права иметь, мы звучим, видимо, недостаточно гордо. Ведь прямо так по радио и говорят: в Советском Союзе человек имеет все права, а вот отдельные личности возмущаются, что у них-де нет таких-то и таких-то прав! И действительно: они же не тот Человек, которого рисуют на плакатах и которого на самом деле, конечно, никогда не было. Они — по Марксу — недостаточно абстрактны для того, чтобы иметь права.

А разве этим не все сказано? У нас все делается для «блага человека», т. е. марксова «абстрактного государственного гражданина», т. е. для блага того, кого нет, ценою блага тех, кто есть. Еврокоммунисты должны очень и очень хорошо подумать, не пересмотреть ли им отношение к этой теории, пока не поздно. По-моему, марксизм на Западе пользуется популярностью только из-за невыносимой занудности стиля Маркса, которая мешает широким массам читать его бессмертные творения в их истинном виде: люди предпочитают верить популяризаторам, не всегда беспристрастным. Так ведь можно спекулировать и тем, что наше государство подписало Декларацию прав человека, в то время как ее постоянно изымают при обысках, а в библиотеках ее невозможно достать.

Ю. Вознесенская: У Пореша при обыске изъяли Декларацию прав человека как самый криминальный документ.

Н. Малаховская: Марксизм настолько абстрактен, что все конкретное ему не просто чуждо, но и страшно. Казалось бы, как говорила мне Таня Михайлова, странно воспринимать феминизм как движение, направленное на ниспровержение основ общества: ведь женщина всегда созидает, а не разрушает. Однако, власти восприняли наш альманах именно таким образом, и, по-моему, больше всего их испугала конкретность того, о чем мы писали, и конкретность нас самих, нашей дружбы. Их ужас лучше всяких слов доказывает истинность формулы

Хаксли из его романа «Этот новый прекрасный мир»: «When the individual feel, the community reel». («Когда человек чувствует, общество колеблется»).

Т. Михайлова: Я считаю, что женщина прежде всего — мать, поэтому функция женщины — охранительная: охранять очаг от бед. Мы сейчас поставлены в такое положение, что современная женщина является матерью и для своего мужа, не только для своих детей. И мне кажется, что наше движение должно быть движением за возрождение мужчин, т. к. женщины уже устали нести бремя **всего** на своих плечах. Мы хотим быть не только матерями, но и женами. Раньше любимый цветок — дочь — родители вручали мужу, чтоб он ее любил и лелеял, а теперь мужчину вручают женщине, жене, чтоб она его любила и лелеяла.

Настоящие женщины достойны настоящих мужчин: в России прекрасные женщины, я думаю, они заслужили нормального человеческого счастья. Женское движение должно бороться за полноту жизни, за женское и мужское начало, соединенное в нормальную семью.

Л. Васильева: Феминистическое движение вызвано временем. Женщины в нашей стране — в тяжелейшем положении, в условиях гнета социального, бытового и полового (в том смысле, что обездоленные мужчины компенсируют свой страх и беззащитность перед реальностью на женщине). Ситуация требует выхода. Я думаю, что конкретный выход еще не ясен, он очертится со временем. Но женщины должны объединиться для того, чтобы показать миру и, прежде всего, себе самим, свои проблемы и взаимно, в любви и сотрудничестве, разрешать их. Мужчина сейчас не поможет женщине обрести себя. И мы, женщины, невзирая на биологизм женского стада, **можем** должны помочь друг другу. Это возможно только в перспективе духовного совершенствования каждой в отдельности и всех вместе.

Ответы на анкету журнала «Альтернативы»

1. Считаете ли вы себя феминистками в том значении, какое принято на Западе?

— Мы слишком хорошо изолированы от Запада, чтобы дать Вам квалифицированный ответ на этот вопрос. Мы (большинство из нас) знаем очень немного о Западных феминистических организациях и движениях, слышали, однако, что многие из них «левые», «марксистские», «гошистские» и т. д.

Как показала недавно проведенная конференция клуба «Мария», к марксизму и всем подобным ему течениям у русских женщин отношение однозначное: марксизм — это ориентированная на прагматизм, циничная идеология, уничтожающая и подавляющая человека.

Предназначены для журнала «Альтернатива».